

Тьма считает неуместными комментарии
к данному тексту.

Дневной Дозор

Свет считает неуместными комментарии
к данному тексту.

Ночной Дозор

Инквизиция, как всегда, молчит.

Без подписи

ПРОЛОГ

С утра опять шумели под окном, мешали спать. Арик долго пребывал в пограничном состоянии между сном и явью; дремота то одолевала его, и тогда сознание проваливалось в полную грез неизведанную бесконечность, то отступала, вспугнутая чьими-то не по-утреннему бодрыми окриками. После часа маеты Арик все-таки сдался. Отбросил одеяло, под которым прятался от шума, встал и кое-как добрал до окна. Однако с этого ракурса было не рассмотреть, что творится перед домом. Тогда он собрался с силами и направился в соседнюю комнату, что при размерах квартиры было практически подвигом. Отдернул штору, вышел на балкон.

На улице Гоголя снова снимали кино.

В Одессе постоянно снимают кино. И все время почему-то на Гоголя. Арик припомнил, как лет пятнадцать назад вот так же лениво наблюдал с балкона Ежи Штура в окружении киношных «армян», проходящего мимо скульптуры на углу дома напротив, — кстати, когда-то Арик жил в нем. В доме напротив.

Тогда Махульский снимал «Дежа вю». Что снимали сейчас — бесполезно было гадать, но Ежи Штура он нигде не видел.

Арик постоял еще немного, поглядел, прищурившись, на море, вздохнул и побрел в сторону ванной.

На улице было так хорошо, что, умывшись-проснувшись-позавтракав, он решил прогуляться.

Спустя час Арик вышел из-под арки, с легким отвращением покосился на бестолково суетящихся киношников, обогнул съёмочную площадку, огороженную полосатой ленточкой, и направился к Тещиному мосту. У кафешки он задержался, купил бутылочку пива и не спеша выцедил ее тут же, за столиком. Лето и солнце делали свое дело — настроение неуклонно улучшалось даже у Арика с его меланхоличной и созерцательной натурой.

По мосту он шел нарочито медленно, довольно жмурясь и искоса поглядывая вниз. Как всегда, в Одессе было полно туристов, поэтому Арику дважды вручали фотоаппараты и просили запечатлеть. На фоне. Арик без возражений запечатлевал — жалко, что ли?

Еще издали он заметил, что любимое место на ступенечках колоннады Воронцовского дворца занято. Сначала Арик огорчился, но чем ближе подходил, тем меньше оставалось от возникшего огорчения.

Во-первых, на его место посягнула девушка. А во-вторых — одинокая девушка. Во всяком случае, без спутника. Симпатичная, длинноволосая и грустная. Явно не местная, что легко угадывалось по нетронутой солнцем коже.

А еще она была Иной. Причем без регистрации.

Впрочем, присмотревшись, Арик нашел объяснение отсутствию регистрационной печати: Иная была дикая. И, похоже, в сумрак ходить училась сама, без чьей бы то ни было помощи, поскольку аура только-только начала окрашиваться ко Тьме. После грамотной инициации не остается так много нейтральных тонов.

«Так-так! — подумал Арик с невольным подъемом. — Дикарка, значит. Ничего так выглядит... В моем вкусе».

Он не любил прятаться и таиться. Вошел в сумрак за несколько шагов до ступенек, приблизился и сел рядом.

— Здравствуй.

Девушка удивленно взглянула на него. Должно быть, нечасто ей встречались Иные. Если вообще встречались.

Хотя встречались, разумеется. Иначе откуда шаг в сторону Тьмы? Дикари-одиночки почти всегда остаются нейтралами, потому что ничего еще не знают о вечном противостоянии двух группировок Иных.

— Здравствуй...

Девушка произвольно отодвинулась, внимательно глядя на Арика.

— Ты приезжая?

— Да... из России.

Арик понимающе кивнул.

Становилось жарче — день разгорался во всю летнюю мощь.

— И как тебе Одесса?

Арик слегка приоткрылся, обнажая вполне мирные намерения и демонстрируя хорошее настроение; уже через несколько секунд девушка впервые расслабила лицо в полуулыбке.

— Нравится! Правда, люди здесь какие-то... другие.

— Да уж, — вздохнул Арик. — Какие — другие, а какие — так и вовсе... Иные...

Не поняла. Просто улыбнулась. Точно, дикарка. Странно, что ребята ее не засекали... Впрочем, возможно, она недавно приехала. А ребята, поди, с утра на пляже пиво сосут после вчерашнего. Кто ж тебя инициировал-то, детка? И почему тайно?

— Извини, кажется, я заняла твое место? Ты тут обычно сидишь?

Арик подумал, что в последний раз задерживался на ступенях колоннады недели три назад, когда показывал Шведу новый пистолет. Но вслух об этом распространяться, разумеется, не стоило.

— Иногда сижу. Смотрю на море... и вообще. Меня зовут Арик. Я живу во-он там, через мост и сразу налево.

— Здорово! Я — Тамара.

— Хочешь, я покажу тебе Одессу?

— Конечно хочу!

От настороженности девушки не осталось и следа, хотя Арик не прилагал к этому никаких специальных усилий. Тамара как Иная тянула примерно на третий уровень, поэтому Арик смог бы как угодно ее заморочить. Но ничего из магического арсенала применять не хотелось, да и не было в том нужды.

Арик встал, помог Тамаре спуститься по лестнице и повел ее на бульвар. Куда же еще?

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Глава киевского Дневного Дозора Александр Шереметьев удивительным образом сочетал привязанность к роскоши с равнодушием к неудобствам. Мало кому известно, что он долгие годы обитал в небольшой двухкомнатной квартирке рядом с площадью Победы. Квартирке, где под посеревшим от времени потолком висели гроздьи пыльной паутины, где пройти из комнаты в комнату удалось бы лишь по узким тропинкам, — остальное пространство было сплошь завалено книгами и вещами, многие из которых любой здравомыслящий человек имел полное право назвать рухлядью. Но хозяин плевал на мнение гипотетических посетителей. Хотя бы потому, что он не любил перемен. Хотя бы потому, что большинство лиц на старых портретах, развешанных по всем стенам, были ему прекрасно знакомы по прошлому. Хотя бы потому, что рухлядью, когда она была еще не рухлядью, в свое время пользовались его предки и родственники. Большею частью уже умершие.

Да и посещали Шереметьева считанные люди. В основном — Иные. А сам он дома даже не жил — просто любил бывать. Иногда ночевал. Иногда варил себе кофе или заваривал чай. Очень редко готовил. Если главе киевских Темных хотелось обычной пищи, он направлялся в какой-нибудь ресторан, причем с равной вероятностью мог выбрать шикарный «Конкорд» на площади Льва Толстого или достаточно скромную «Викторию» напротив универсама «Украина».

«Викторию» Шереметьев выбирал чаще. Потому что располагалась она в пяти минутах ленивой — без всяких глупых порталов — ходьбы от дома. Через площадь Победы и через двор с новостройками.

Нет, конечно, когда того требовал имидж, — присутствовали и размах, и стиль, и то, что Шереметьев привык называть «понтон». Но бывать в местах, где обычно ошиваются новые хозяева жизни, он все равно не любил. Зато в той же «Виктории» вермут ему подавали в старинном бокале из

венецианского стекла — всегда в одном и том же. Пиво — в германской кружке с крышкой (если светлое) или ноттингемском эльварде (если темное). Кофе — в глиняной турецкой чывре, расписанной еще во времена султанов, и непременно при потемневшей от времени серебряной ложечке с полустертой надписью на неведомом языке. Обеденный сервиз для трапез отличался от вечернего-ночного. Первый состоял из восемнадцати предметов, второй — из пятнадцати. В «Викторию» же доставляли любимые сигары Шереметьева, да и вообще половину поставок организовал именно он, единожды потолковав с директрисой. Естественно, что постепенно «Виктория» превратилась в неофициальный клуб киевских Темных. Дозорные чаще бывали здесь, чем в офисе, расположенном на Банковой десять, в знаменитом доме с химерами. Там вынужденно скучали лишь дежурные да молодняк, еще не пресытившийся дозорной романтикой.

Так сложилось, что Темные Иные в Киеве уже много лет жили тихо и спокойно. Даже со Светлыми как-то умудрялись по-мирному ладить. Не без мелких рутинных пикировок и объяснений, конечно, но на то и Дозоры, чтобы заниматься рутинной. Не многие дозорные, даже из достаточно бывалых и опытных, могли похвастаться тем, что воочию когда-то лицезрели настоящего инквизитора. Древний город умел примирять даже заклятых врагов. Недаром в среде Иных на Украине пятилистник каштана, символ Киева, одновременно стал символом окончания военных действий и призывом к переговорам — стоило только отослать пятилистник противной стороне.

Лето подмяло Киев мягко и незаметно — вроде бы еще недавно с Днепра тянуло зябкой прохладой, вроде только-только успели обрасти листвой деревья, как вдруг разом воцарилась сушая жара. Даже столбик старинного ртутного градусника Реомюра, разумеется, принесенного в «Викторию» Шереметьевым, лишь чуть-чуть не достигал тридцатки.

Именно в такой день глава Дневного Дозора Киева Александр Шереметьев (для большинства окружающих — просто Лайк) вынул из специального кармашка жилетки древние часы-луковицу, встряхнул, отворяя крышку, вскользь поглядел на филигрань стрелок над циферблатом, пустил в потолок затейливую струю дыма и негромко позвал:

— Ефим!

От крайнего в ряду игрового автомата-флиппера тотчас оторвался худощавый молодой человек, обросший густой черной бородой. Добавь хасидскую шляпу и пейсы — получился бы стопроцентный еврей из ближайшей миссии. Впрочем, Ефим когда-то и впрямь считал себя евреем. Пока его не нашли и не инициировали Темные. Но хасидской шляпы и пейсов не носил ни раньше, ни теперь.

— Да, шеф? — вопросительно протянул он, обернувшись, но не слезая с высокого стула.

— Лимузин, — коротко велел Шереметьев.

Ефим двинул бровями: обыкновенно шеф предпочитал ездить на «Субару». Но... пути высших магов причудливы и, конечно же, неисповедимы. Поэтому Ефим просто снял с пояса мобильник, связался с шофером и передал распоряжение.

Угольный «роллс-ройс» подкатил к «Виктории» спустя семь минут. Лайк докурил, встал, чмокнул на ходу официантку и направился к выходу. В зале на миг стало тише.

— Ты куда? — с восхитительной непосредственностью спросила совсем еще юная ведьма Анжелка, любимица шефа. Впрочем, у шефа все особы женского пола моложе сорока ходили в любимицах.

Кого-нибудь из парней за подобный вопрос Шереметьев мог и взгреть. Темные постарше глупых вопросов, само собой, задавать бы не стали. Но к юным ведьмочкам как не относиться снисходительно! Да и никакой тайны в намерениях Шереметьева, собственно, не имелось.

— В Борисполь, — по обыкновению скупно пояснил он.

О времени возвращения шеф Темных распространяться не стал. Зачем?

В лимузине Лайк первым делом потянулся к бару. Шофер тронул без лишних расспросов — слова шефа он уловил и отсюда, из кондиционированного нутра дорогой и пока еще не слишком привычной для киевлян машины. Длиннющей, как дирижабль, и красивой, как молодая касатка.

Уже перед самым Борисполем шофер уточнил:

— В аэропорт, Александр Георгич?

— Да, к московскому.

Лайк всегда бывал до талантливости краток.

Привычно заморочив охрану перед служебным въездом и попутно выяснив, где произойдет высадка с московского рейса, водитель, пожилой и очень поздно инициированный дядечка по имени Платон Смерека, покатил к нужному месту. При этом он старательно соблюдал правила езды по летному полю. Пузатый «Боинг» уже грузно заруливал на посадку.

Лайк искоса наблюдал за полосой, не выпуская из руки бокала с вермутом. «Боинг» сел и теперь неторопливо полз к месту стоянки, где суетились рабочие со шлангами и прочей аэродромной механикой.

Наконец подали трап, и люк открылся, выпуская первых пассажиров. Только сейчас Лайк толкнул дверь и вышел из лимузина.

Посторонние ни шефа Дневного Дозора, ни «роллс-ройса», ни шофера не замечали. Легкое, почти незаметное заклинание — и вместо машины и

Иных обыкновенные люди видят пустоту. Серые плиты летного поля да дрожащий над ними горячий воздух.

Тот, кого встречал Лайк, вышел на трап одним из первых. Чуть выше среднего роста, худой до впалости щек, в темном костюме, серой рубашке и черных туфлях с квадратными носами, начищенных так, что в них отражался белоснежный бок самолета. При нем не было ни сумки, ни барсетки — ничего. Пустые руки. Да и багажа у него не имелось, как впоследствии выяснилось. Совсем.

Худой человек в темном костюме неторопливо спустился по трапу и сразу же отделился от других пассажиров, муравьиной цепочкой тянущихся от самолета к современному аэродромному автобусу, какие с некоторых пор появились в Бориспольском аэропорту. На него никто не обратил внимания, хотя он прошел перед самым носом стюардессы и едва не столкнулся с рабочим у переднего шасси.

Шеф киевского Дневного Дозора молча ожидал у лимузина с приоткрытой дверцей.

Гость тоже был шефом Дневного Дозора. Только московского.

Они медленно сошлись и замерли в двух шагах друг перед другом. Не то чтобы чопорно или церемонно, но с таким видом, будто между ними текла Эльба.

— Здравствуй, Завулон, — сказал Лайк сухо.

— Здравствуй, Тавискарон, — в тон ему отозвался гость. В голосе гостя тоже не чувствовалось открытой радости или приветливости, свойственной давно не встречавшимся людям. Скорее можно было предположить, что расстались они вчера, причем заранее зная о сегодняшней встрече.

Киевлянин болезненно поморщился.

— Давай без... церемоний, — предложил он.

— Давай, — охотно согласился москвич. — Здравствуй, Лайк.

— Здравствуй, Артур. Обниматься будем?

— Зачем?

Шереметьев едва заметно улыбнулся:

— От избытка нахлынувших чувств.

— А, — понял гость. — Шутим. Хорошо, давай обнимемся. В конце концов, я действительно давно тебя не видел и даже рад встрече.

— Я тоже рад, Артур. И мы действительно давно не виделись.

Они шагнули навстречу друг другу и обнялись — без пошлых поцелуев и похлопываний по спине. Просто и коротко. Потом пожали руки. Также коротко, по-деловому.

— Поехали? — спросил Лайк.

— Подожди секундочку, — попросил москвич.

А затем повернулся на запад, туда, где за невидимым горизонтом лежал Киев. Древний и всегда молодой Киев.

— Здравствуй, Город, — серьезно сказал Артур-Завулон и поклонился.

На поросшем деревьями склоне Владимирской горы враз смолкли птицы. Ненадолго, всего на четверть минуты. Но никто из киевлян этого все равно не заметил.

* * *

— Куда ты меня везешь на этот раз? — поинтересовался Артур-Завулон, когда лимузин миновал мост Патона и свернул на набережную. Голос у гостя звучал небрежно и с еле уловимой ноткой раздражения.

— В «Ле Гранд Кафе», — невозмутимо ответил Лайк. — Ты там еще не бывал.

— Это где? На Крещатике? Что-то до смерти престижное?

— Не на Крещатике, но рядом. А что? Хочется тишины?

— Хочется воспоминаний, — вздохнул Артур с непонятной тоской. — Слушай, ну их, эти «Ле гранды». Поехали лучше на Андреевский, а? В корчму «Під липою».

— На Андреевский? — удивился Лайк. — Можно, конечно... Только там сейчас не корчма, а respectable ресторан с хрусталем и прочим. «Світлиця» зовется. А что, воспоминания?

Гость снова вздохнул:

— Воспоминания, коллега. Причем больше с корчмой, чем с Андреевским спуском. Ну с замком Ричарда еще.

— Странное место для Темного. В смысле воспоминаний и прочей ностальгии.

— Ха! Можно подумать, Малый Власьевский в Москве — не странное место для Темного!

— А странное? — насторожился Лайк.

На Малом Власьевском он обыкновенно останавливался в Москве. У знакомой ведьмочки.

Артур вздохнул и в третий раз:

— Да не то чтобы очень... Но как-то наши все резко разлюбили Арбат. И окрестности.

— А почему?

— Да мерзко там стало. Как в Питере прямо.

— На Арбате? Как в Питере? Артур, не пугай меня. Москва не может настолько испортиться.

— Вся Москва и не испортилась, — буркнул Артур, неожиданно мрачней. — Только Арбат. А что до Питера...

— Давай о делах попозже, — прервал его Лайк. — Я настаиваю. На правах хозяина.

— Уговорил.

— Знаешь, чуть ниже, на Подоле, есть маленькая кафешка, очень похожая на «Під липою» тех времен. Тебе понравится. Поехали туда?

— Поехали.

Лимузин тем временем поднялся на Владимирскую и мигом домчал почти до самой Андреевской церкви. Бульжная мостовая спускалась к Подолу. Между старыми камнями виднелись высохшие промоины, пути неистовых весенних ручьев.

— Стоп! Дальше пешком. Традиции, надо чтить...

Артур неожиданно закричал — совсем по-стариковски — и неловко шевельнулся в кресле.

«Спина у него, что ли, болит?» — подумал Лайк с некоторым недоумением. Для мага такого уровня поправить здоровье — вообще не вопрос. Дело нескольких минут.

Но внезапно Лайк понял. Это не спина. Это память. Она подчас вытворяет очень странные вещи. Особенно с Иными, ведь у них память куда дольше, нежели у обычных людей.

Лайк не стал ничего говорить гостю — просто принял из его рук стакан, водворил в бар и открыл дверцу лимузина. Артур толкнул дверцу с другой стороны.

Немногочисленные туристы вряд ли впечатлились видом лимузина. А вот достаточно неприметный вид пассажиров вполне мог бы кого-нибудь удивить.

Но не удивил. Темные не любят привлекать к себе внимание без веских на то причин. Светлые — да, любят. Этих Силой не корми, дай окутаться сиянием, ореолом, покрасоваться в белых одеждах. Мол, знайте, черви-человечишки, кто вас от бед бережет. Самое забавное — человечешки верят.

Лайк всегда находил это смешным и нелепым. Поэтому все то же простенькое заклинание, отводящее чужие любопытные взгляды, прикрыло двоих Темных магов. До самого места, где некогда располагалась корчма, а теперь «Світлиця», их никто не увидел. Ну а потом оба сделали вид, будто из этой самой «Світлиці» вышли. Так, на всякий случай, по въевшейся за многие годы привычке к скрытности.

Место на Подоле, куда Лайк привел гостя, было обычной кафешкой без намска на фешенебельность. Даже официанток не имелось — приходилось самому тащиться к стойке, заказывать, а потом забирать поднос со снедью. Лайк в любое время предпочел бы что-нибудь классом не ниже «Виктории», но желание гостя — закон. Тем более такого гостя. Московские Дозоры

всегда котировались повыше киевских, да и Артур-Завулон был старше и искуснее. Не в силу более продвинутых способностей — просто в силу возраста. Сравнить магов вне категорий вообще сложно. Да и не приходила Артуру и Лайку в головы идея померяться мощью. Никогда. За очевидной ее бесплодностью.

Какое-то время прошло в обоюдном молчании — сразу переходить к делам никому не хотелось, а тратить на вежливо-бестолковый разговор о погоде или еще каких пустяках таким личностям не пристало. Вместо этого оба отдали должное горилке с перцем, фирменным шкваркам и котлетам по-киевски. Снедь в кафешке готовили простенькую, без претензий, для среднего обывателя. По цене и качеству. Впрочем, и королям очень часто хочется простоты.

Наконец Завулон довольно откинулся на спинку стула и оторвал смягчившийся взгляд от посуды. На лице его отразился некий отдаленный намек на блаженство — скорее духовное, чем мирское.

— Как тут у вас? — спросил он хозяина.

— Да тихо вроде. Хоть в отпуск езжай. И поезду, чтоб я был здоров! Только ближе к лету, когда потеплеет по-настоящему. В Крым. В горы.

— А то ты не знаешь, что сей год по-настоящему потеплеет только в июле!

— Так я и говорю, — ухмыльнулся Лайк, — ближе к лету.

— А, ну да, — кивнул Артур. — Ты ведь всегда был теплолюбивым.

Помолчав секунд десять, Артур пожаловался:

— А нам последнее время туго приходилось. Светлые такую волшебницу започутили, у-у-у... Еле убрали ее лет на полста.

— Н-да, — Лайк сочувственно цокнул языком. — Полста лет промелькнут — и не заметишь. Это когда Зеркало приходило?

— В частности. Там очень сложная история завернулась, явление Зеркала — лишь часть ее. Кстати, что это за субстрат, а? Виталий Рогоза из Николаева. Ты его знал?

— Нет, — помотал головой Лайк и потянулся к бутылке. — Еще по одной?

— Давай, — не стал возражать Артур.

Разговор медленно, но верно стал приближаться к цели визита московского гостя.

Артур-Завулон не сообщал в Киев о приезде. Просто, явившись утром к офису на Тверской, молча сел в BMW Шагрона. А тот так же молча отвез его во Внуковский аэропорт. А Лайк легко распознал пылающую вероятностную нить и поехал встречать его в Борисполь.

— Наверное, Швед этого Рогозу знает, — предположил Лайк, закусив. — Можно расспросить.

— Швед — это кто?

— Николаевский. Свой Иной. Я мало кому могу доверить спину... Ему — могу.

Артур пристально взглянул на собеседника:

— В Николаеве сильный Дозор?

— Сравнительно. Считаю, третий на Украине. Сильнее даже, чем в Харькове.

— А второй где?

— В Одессе.

— А! Там этот... как его... Тор... Тур...

— Турлянский, — с готовностью подсказал Лайк.

— Точно! Продукт гибридного скрещивания турок и полян.

Лайк усмехнулся — он не предполагал, что шеф Дневного Дозора Москвы в курсе их сугубо украинских хохмочек.

— А в Николаеве кто руководит? Этот твой Швед?

— Нет, — отрицательно качнул головой Лайк. — В сущности, там никто не руководит. Турлянский командует всем Причерноморьем.

— А почему? Никого достойного нет?

— Почему нет? Есть. Тот же Швед — очень пристойный маг. Молодой только. И Темный на загляденье, просто ленится. На подхвате работать — это пожалуйста. А в руководители выбиваться не желает.

— Сколько их там, в Николаеве? Официальных.

— Человек двадцать. Я не считал. В основном мелочь — оборотни, вампиры, ведьмочки. Ведьмочки симпатичные, я проверял. А из магов только Швед да Иса. Кстати, в Одессе народу ненамного больше, но там есть Турлянский.

— А что так? Массово полиняли в Израиль?

— Представь себе! Я еще могу понять, когда человек валит из совка в Израиль. Но Иному-то это зачем? Вот скажи, зачем было валить Левке? Так нет ведь, свалил...

— В Одессе все по-особенному, — мечтательно протянул Артур. — Слетать, что ли, и туда?

— Слечай, — Лайк пожал плечами.

Артур откинулся вольготнее, сунул руки в карманы и принялся тихонько раскачиваться на двух ножках стула.

— А скажи-ка, Лаки, — изрек он, не выныривая из некоторой задумчивости, — ты смог бы сколотить хорошую команду из своих? Числом эдак около шести?

— Своих — в смысле киевских или в смысле украинских?

— Все равно.

— Без труда. Я — раз. Турлянский, Швед, Симонов. Ефим. Димка Рублев. Уже шестеро.

— Можно еще одного-двух. Для комплекта.

— В общем, могу.

— Отлично. Давай-ка еще по одной, и я изложу тебе суть дела.

Лайк незамедлительно наполнил рюмки и наколол на вилку уже подостывшую шкварку.

— Эх! Вещь, эта ваша с перцем! — в сердцах признался гость.

— I не кажiть, куме, — согласно отозвался киевлянин по-украински.

Артур снова откинулся на стуле и сунул руки в карманы. Лайк терпеливо ждал. Он уже почувствовал, что его и собранную команду ждет дорога, дорога куда-то на север. В Россию. Причем не в Москву — дальше.

— Ты в курсе э-э-э... природы Ингерманландских болот?

Лайк на секунду задумался.

— Ну... более-менее. Злое это место. Чухонские капища, жертвенное дерево на Койви-Саари... Только идиот мог построить там город для людей.

— Не обобщай, Лаки, — поморщился Артур. — Петр отнюдь не был идиотом. Он просто был всего лишь человеком. И действовал по своему человеческому разумению, пусть и довольно скудному, на наш взгляд. А про шестьдесят пятый год ты знаешь?

— В смысле? В шестьдесят пятом я в Германии сидел. Как и ты, впрочем.

— Я после совета уехал, — сообщил Артур.

— А я остался. На полтора года, — глаза Лайка вдруг заволоклись воспоминаниями. — Хорошее было время...

Артур скептически хмыкнул:

— Значит, не знаешь. Тогда слушай. В шестьдесят пятом на болотах произошли два мощнейших вероятностных выброса. Первый — по светлой фазе, в мае, второй — по темной, более сильный, в ноябре. Сумрак чуть ли не наизнанку вывернуло. Людей много погибло... и Иных. Двенадцатого ноября Дневной Дозор Ленинграда официально объявил о приостановке деятельности, работники его в этот же день покинули город. Четырнадцатого ноября о том же объявил и Ночной Дозор. К двадцать третьему ноября в Ленинграде и области не осталось ни единого Иного — все предпочли убраться из этих гиблых мест до лучших времен. Я поглядел закрытую статистику — представляешь, бежали даже неиницированные, все до единого! Под любым предлогом, вплоть до добровольной явки в военкомат после семи годков успешного закоса.

— И что? — спросил Лайк с некоторым скепсисом в интонации.

— Ничего. С шестьдесят пятого года по шестьдесят восьмой Питер оставался единственным крупным городом в мире, в котором не проживал ни один Иной.

— Ну это понятно, — Лайк тихонько фыркнул. — Жить в этом ужасе? Я еще понимаю людей, этим просто деваться некуда. Помимо военкомата. Но Иные? Им-то подобная радость зачем?

— Незачем, — подтвердил Артур. — А проблема наша заключается в следующем. В шестьдесят восьмом, когда возмущения сумрака мало-помалу улеглись, в Ленинград вернулись далеко не все Иные. Из сильных вообще никто не вернулся. Вернулась мелочь — третья ступень и ниже. Зелень и наив. Пусть они слегка подтянулись за тридцать пять лет — не спорю. Но пока в Питере не на кого опереться ни нам, ни Светлым. Кроме того, как ты сам понимаешь, за те же тридцать пять лет родилось и успело вырасти очередное поколение Иных. Часть из них инициировалась не вполне ясным способом. Каким именно — не знаю. Возможно, кто-нибудь из заезжих Иных инициировал сдуру случайно встреченного сопляка. А тот возьми и обучись технике инициации. А заезжий, к несчастью, оказался каким-нибудь повернутым сектантом с вековыми традициями и собственной школой. Дозоры с этой новоявленной гвардией справиться не сумели. Подозреваю, что не очень-то и пытались. Короче, в Питере теперь целая организация новых Иных, они слыхом не слыхивали ни о каком Договоре и даже не называют себя Иными.

— Как же они себя называют?

— Они называют себя «Черные». До недавнего времени они себя практически не проявляли. И вдруг — вспышка активности. А поскольку о Договоре они ни сном ни духом, творят такое, что даже мне тошно стало, когда прочел сводку. А уж как взвыл Ночной Дозор Москвы во главе с Гесером... Можешь представить. Словом, в России сейчас переполох до небес, Светлые в праведном гневе и грозятся сплошными трибуналами. Требуют разрешений на применение чуть ли не евгенических заклинаний — и все из-за этих самых Черных из Питера.

— А Инквизиция что? — резонно поинтересовался Лайк.

— Инквизиция до поры до времени отмалчивалась, но позавчера пришла официальная резолюция из Праги. В общем, мне вменено в обязанность разобраться с новыми питерцами и положить конец их беспределу.

— А почему тебе-то? — недоумевал Лайк. — Почему, например, не Гесеру?

— Потому что Черные используют Силу по-нашему. В сущности — они Темные. Только дикие. И поэтому глупые и безжалостные. Если формулировать коротко, я хочу, чтобы ты и твои ребята приехали в Питер и навели

там порядок. Мне плевать, что Черные делают с жителями Питера, но и давать Светлым повод для свободы действий все же неохота. Да и Бюро Инквизиции без последствий не отошьешь, ты ведь в курсе.

— Это уж точно, — кивнул Лайк. — Я только одного не понимаю — ты хочешь, чтобы я разобрался с этим самостоятельно, без твоей поддержки?

— Да.

— Но почему, тысяча чертей?

Артур глубоко-глубоко вздохнул, провел ладонью по лицу и проникновенно сказал:

— Лайк! Ты представляешь, какая поднимется вонь, если порядок в Питере придут наводить москвичи?

Глава киевского Дневного Дозора сначала смешно хрюкнул, потом запрокинул голову и гулко захохотал.

Хохотал он долго.

— Хорошо, Артур, — сказал Лайк, отсмеявшись. — Я все сделаю, как ты скажешь. Когда нам вылетать?

— Я бы сказал «сегодня», если бы... Если бы мне не хотелось покурлесить ночку в Киеве. А без тебя я этого делать не люблю... с некоторых пор.

Оба усмехнулись, вспоминая прошлый визит Завулونا в Киев. Ох и покурлесили тогда, иначе не скажешь!

— Так что... давай еще по одной и поехали за ведьмочками. Небось, новеньких туча, а? — спросил Артур и подмигнул.

— Ну туча не туча, а найдутся!

— Ну конечно, конечно! Чтоб у тебя и не нашлось? Когда такое было?

— Никогда не было, Артур! Прозит!

— Прозит! А лучше — за ведьмочек! Чтоб не переводились!

— Не возражаю! За ведьмочек!

Они чокнулись, выпили и пешком направились к терпеливо ожидающему наверху Андреевского спуска лимузину. Мимо памятника Григорию Сковороде, мимо Самсона и Гостиного Двора, мимо Булгаковского дома и замка Ричарда.

Спустя полчаса лимузин притормозил у «Виктории».

* * *

Мобильник пиликал долго, назойливо и противно. Лайк успел, не просыпаясь, проклясть его раз пять, не меньше, но проклятия на неживую материю действовали из рук вон плохо. Проснувшись, Лайк проклял мобильник еще раз, но тот все не унимался. Поэтому пришлось тянуться к трубке и тыкать дрожащим пальцем в соответствующую кнопку.

— Алло! — малоприветливо пробурчал Лайк в трубку.

— Здравствуй, Лайк.

Не узнать голос звонившего — леденяще-спокойный, чудовищно невозмутимый и отстраненно-флегматичный — было решительно невозможно.

— Привет, Арик. Ты где?

— У твоей двери.

— Сейчас открою.

Лайк, не утруждая себя одеванием, пробрался по тропе ко входной двери, открыл. На пороге стоял столь же худощавый человек, как и сам Лайк, только чуть повыше. На лице гостя лежала печать вечной бесстрастности.

— У тебя звонок не работает, — сообщил визитер.

Лайк только рукой махнул, бредя назад в комнату.

Арик, не разуваясь, прошел за ним и уселся на вертящийся табурет, место которого ранее было у пианино, но Лайк лет тридцать назад пианино успешно раздолбал излишне эмоциональным музицированием. С тех пор вертящийся табурет принялся втихую путешествовать по квартире, все время оказываясь там, где был кому-нибудь нужен: то на кухне, у древнего апоплексического холодильника, то в маленькой комнате перед чуть менее древним компьютером малоизвестного бранднейма Sidus.

Лайк облачился в любимый халат, по-прежнему дрожащими руками закурил сигарету и с ненавистью поглядел в сторону кухни.

Гость сочувственно созерцал хозяина.

— Что? — спросил он вскорее.

— Ко-офе! Помира-аю! — жалобно проныл Лайк.

Гость еле заметно улыбнулся. Потом совершил экономный пасс левой рукой, и на овальном столике рядом с Лайком возникла маленькая чашечка, над которой тотчас взвился ароматный парок.

У Лайка даже руки дрожать перестали.

— Арик, — сообщил он проникновенно. — Ты волшебник!

Гость лишенным каких бы то ни было эмоций голосом поправил:

— Маг.

— Да какая разница?

Арик опять еле заметно усмехнулся:

— Ну... в твоём состоянии — никакой. Раз ты сам себе чашку кофе сотворить не можешь...

— Так руки ж дрожат!

— Пить надо меньше.

— Да? Меньше? А как же гости? Как я, по-твоему, гостей буду привечать? На сухую? Да не простых гостей, высоких!

— Сильно высоких?

— Артура из Москвы.

— Который Аверченко?

— Нет, который Завулон.

При упоминании имени шефа Дневного Дозора Москвы Арик инстинктивно подобрался, словно сидя попытался выполнить команду «смирно».

— Погоди... Это ведь был деловой визит, я правильно распознал?

— Правильно. И приехал ты правильно, в смысле вовремя. Гастроль нам предстоит. Выездная.

— Куда?

— В Питер.

Теперь губы Арика искривились в улыбке уже почти по-настоящему.

— Все потому, что в Питер в гастрольный вояж с Одессы-мамы маги приезжают... — пробормотал он. — Н-да.

— Н-да, — подтвердил Лайк.

— А кто еще?

— Я, ты, Симонов, Швед, Ефим, Рублев... Может, Ираклия уломаем.

— Что, так серьезно? — уже без улыбки уточнил Арик.

Дело в том, что Лайк перечислил имена практически всех сильнейших Темных Иных на Украине. Из тех, что служили в Дозорах.

— Посмотрим. Возможно, что и нет. Но съездить придется.

— Симонову и Шведу ты уже звонил?

— Нет еще. Когда? Видишь же, гуляли...

— А Завулон где?

— В «Премьер Паласе». Отсыпается.

Аристарх Турлянский, глава причерноморского Дневного Дозора, на какое-то время задумался. Оное время Лайк употребил на выкуривание сигареты и выпивание кофе, после чего сравнительно ожил.

— Позвони Симонову и Шведу, а? — попросил Лайк. — Я пока умоюсь.

— Позвоню, — кивнул Арик и вынул мобильник.

Когда Лайк вернулся (действительно заметно воспрявший к жизни), Турлянский с отсутствующим видом глядел в пыльное зеркало.

— Дозвонился? — на удивление бодрым голосом поинтересовался Лайк. Похоже, он не просто умылся-побрился, а еще и привел себя в физиологический порядок посредством несложной, но искусной магии.

— Симонов выезжает. А Швед сейчас между Очаковым и Кинбурном. В гонке.

— О как, — Лайк сбросил халат и принялся одеваться. Он явно вознамерился податься в «Викторию» — настоящий кофе все-таки вкуснее сотворенного магически. Да и пива там можно испить: творить алкоголь Иные считали дурным тоном. — Придется снимать Шведа прямо с яхты.

— Дело такое срочное?

— Как по мне, — честно признался Лайк, — так не очень. Но Завулон проволочек не любит. А шутить с Завулоном... сам знаешь какво.

— С Завулоном лучше не шутить, — глубокомысленно согласился Арик. — А его что, Артуром зовут?

— Иногда. Пошли в «Викторию».

Турлянский молча поднялся.

По дороге Лайк купил сигарет и свежий номер «Футбола», в который тут же и уткнулся. Турлянский, проштудировавший этот же номер еще накануне, до поступления в продажу, иронически косился на него. Даже в толчее подземного перехода никто не норовил Лайка или Арика задеть плечом или оттереть с дороги — наоборот, все инстинктивно расступались. Не людям стоять у Иных на пути.

В «Виктории» Лайк поручался с барменом Сережей и рухнул на привычное место. Даже девчонок целовать не стал. Сережа принялся меланхолично заваривать кофе.

— Добрый день, — с достоинством сказал Арик и тоже сел. Напротив Лайка.

С минуту он молчал. Потом заметил:

— Хорошо здесь.

Разумеется, Турлянский посещал это кафе не впервые. И разумеется, уже видел и эти розоватые стены, и колонны, и лепнину, и фестоны, и ламбрекены. Но «Виктория» располагала к созерцанию, а Арик был созерцательной натурой.

Пока Лайк читал журнал и пил кофе, явился взъерошенный Ефим в сопровождении двух оборотней. Еще на улице было видно, как он что-то им горячо втолковывает, бурно жестикулируя. Войдя в кафе, он смолк, зыркнул за начальственный столик и по-свойски кивнул Арику.

— Ефим! — не отрываясь от журнала, позвал Лайк.

— Да, шеф? — мигом предстал Ефим.

— Найди Ираклия. Пусть едет сюда, даже если занят. Можешь взять мою машину.

— Понял, шеф. А если он не поедет?

— Распылю. Тебя.

— Понял, шеф.

Ефим повернулся к оборотням и виновато развел руками: мол, извиняйте, работа. Оборотни были вроде бы не местные. Арик ненадолго ушел в сумрак и считал печати регистрации: точно, не местные. Из Полтавы. Ефим почему-то часто общался с приезжими Иными. Уже решив вернуться из сумрака в обычный мир, Арик вдруг почувствовал чье-то присутствие и уловил целый веер вероятностных нитей — как и всякий маг, он предвидел и мог довольно

уверенно прогнозировать будущее. Например сейчас Арик явно чувствовал приближение встречи с кем-то могущественным, но не враждебным, и разговора, которому суждено возыметь далеко идущие последствия.

Пришелец был сильнее Арика.

«Завулон, — подумал одессит. — Больше некому».

Прежде они встречались лишь единожды, коренной одессит Турлянский и ныне москвич Завулон. Конечно, тот, кто носит подобное имя, гораздо старше Арика. О возрасте шефа Дневного Дозора Москвы можно было только догадываться. Да и о возрасте Лайка тоже — Арик, к примеру, не знал, сколько тому лет, хотя отношения с главой киевских Темных у него сложились весьма тесные. Познакомились Арик и Лайк лет восемьдесят назад, как раз когда Арик только-только входил в силу после инициации и обучения. Нашел и инициировал Арика занесенный в революционную Одессу бурными ветрами классовой борьбы белый офицер, имя которого осталось неизвестным. Офицер канул без следа — то ли отбыл из Одессы или Крыма на последнем эмигрантском пароходе, то ли погиб по-глупому в стычках с не знающими жалости котовцами. В то время даже Иные порою нелепо гибли, пристреленные из-за угла или зарезанные во сне. Даже сверхъестественные с точки зрения обычных людей способности не давали стопроцентной защиты.

Осознав, что он не вполне человек, Арик быстро отыскал в Одессе таких же, как он сам, и примкнул к Дневному Дозору. В Дозоре он рассчитывал обучиться пользованию всем, что жило и бурлило в нем, пока дикое и слабо поддающееся контролю. К середине двадцатого века Арик стал одним из сильнейших Темных магов юго-востока Европы, а выйти из категорий ему мешал только ничтожный по меркам Иных возраст. Но после известных событий сорок девятого года, когда элита Темных Украины была практически подчистую выбита и развоплощена, Арик Турлянский оказался одним из немногих, на кого уцелевшие суперы могли опереться в неизбежной попытке возрождения. Из суперов уцелели Лайк, Иракий, вечный нейтрал из Харькова по имени Шиндже, более известный под прозвищем «Судья Мертвых», и первая украинская ведьма, по давней традиции именуемая Солохой. Иракий с Дозором сотрудничал лишь иногда, поэтому рассчитывать на него Лайк особенно не мог. На Шиндже рассчитывать и вовсе было смешно — Иные такого возраста и силы, как правило, видят дальше других, знают больше других и предпочитают недеяние дешевой и малопродуктивной возне и стычкам. А чтобы рассчитывать на женщину, да еще ведьму, Лайк еще не окончательно выжил из ума. И глава Темных Украины сделал ставку на одаренную молодежь, номером первым среди которой значился одессит Турлянский.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог.....	4
Глава первая.....	7
Глава вторая.....	27
Глава третья.....	45
Глава четвертая.....	57
Глава пятая.....	74
Глава шестая.....	90
Глава седьмая.....	112
Глава восьмая.....	124
Глава девятая.....	141
Глава десятая.....	156
Глава одиннадцатая.....	175

Литературно-художественное издание

16+

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

ИМЕНЕМ ТЬМЫ
Лик Черной Пальмиры

Ответственный редактор *А. Васько*
Технический редактор *Г. Логвинова*
Верстка: *М. Курузьян*

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ №

Издатель и Изготовитель: ООО «Феникс»
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, 150.
Тел./факс: (863) 261-89-50, 261-89-59.

Изготовлено в России. Дата изготовления: 08.2023.
Срок годности не ограничен.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, Россия, Ульяновская обл.,
г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.